

Летние гастроли

ОЧИЩАЮЩАЯ СИЛА СМЕХА

На вопросы корреспондента «Красноярского рабочего» отвечает народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР Г. П. Менглет.

— Георгий Павлович, с каким чувством встретили вы известие о предстоящих гастрольях в таком далеком от Москвы городе? Связано ли у вас что-нибудь с Красноярском, Сибирью?

— У каждого, по-моему, должна быть потребность узнавать что-либо новое для себя. Будь то новый человек, книга, картина, город — это обогащает, приносит чувство удовлетворения. Для меня новое сейчас — это Красноярск, а также Норильск, в который мы тоже потом отправимся. Здесь мне еще не приходилось бывать. Конечно, я имею представление о Красноярском крае, его бурном развитии и значении, о величайшей в мире Красноярской ГЭС. Но самому побывать здесь, увидеть, «пощупать» город глазами гораздо лучше и полезнее. Если встреча со старым другом интересна, то встреча с новым интереснее вдвойне и втройне.

— О грозной, очищающей силе смеха, сатиры сказано немало правильных слов. Например, Герцен считал смех оружием политической борьбы, Гоголь призывал использовать смех в борьбе со всем тем, что «порочит истинную красоту человека». Луначарский называл сатирика «санитаром общества». Как вы относитесь к подобным определениям применительно к своей профессии?

— Если бы я не верил в очищающую силу сатиры, то, наверно, не отдал бы своему театру 33 года жизни. Да, смех, сатира лечат, это хорошее и очень сильное средство борьбы со всем тем, что мешает нам жить и работать. Но следует подчеркнуть еще вот что: сатира, как очень грозное и острое оружие, принесет гораздо больше пользы, если мы направим его не только против чего-то, но и во имя чего-то. Маяковский, например, очень точно знал адрес своей социальной любви и ненависти, знал, во имя чего боролся. И мы тоже должны знать свою цель.

— Георгий Павлович, не находите ли вы определенного сходства между Театром сатиры и «Крокодилом», и с сатирическим киножурналом «Фитиль», и с мощным отрядом наших фельетонистов, работающих в газетах. Конечно, есть и отличия. В то время, как короткое сатирическое стихотворение, басня, фельетон имеют, как правило, конкретный адрес, преследуют более узкую цель, мы, театр, если можно так выразиться, полнотетражнее. И так как цели более объемные, то и «залпы» веселее. Конечно, не обходится без издержек как у тех, так и у других.

— Еще о сходстве с пресой. Выступая с критическими материалами, газета добивается действенности своих выступлений, принятия определенных мер. А можно ли проследить за действенностью, результативностью спектаклей, в частности, вашего театра. Ведь важен не смех ради смеха!

— Мы живем в обществе, где проверка исполнения является законом. Принята, допустим, директива по линии партийных органов — ее надо исполнить. В искусстве же все гораздо сложнее. То, что мы показываем в театре, должно взволновать зрителя, запастись ему в душу. Мы стремимся к тому, чтобы зритель стал соучастником происходящего на сцене, сопереживал вместе с нами, умел дать правильную оценку явлению жизни, которое ему представили. Зритель волнуется, глубоко задумался, остро реагирует на происходящее на сцене — значит, цель достигнута. А если зал наполовину пуст — значит, спектакля нет, цель не достигнута.

— Какие роли вам больше по душе — положительные или отрицательные?

— Если бы меня спросили, что я больше люблю — шашлык или пирожное, то я бы сказал: хорошо бы и то, и другое. Так и здесь. Одно мне недостаточно. Я довольно много сыграл подделоча всех мастей и всех рангов. При этом хочу заметить: актер должен влюбиться в свою роль, в своего героя, пусть и отрицательного, как влюбляются в дорогого ему человека. Только в этом случае придет успех.

Потом я затосковал по хорошему человеку, положительному герою. Просто стало не хватать. И желание мое исполнилось. Я выступил в роли таких симпатичных мне людей, как председатель колхоза Каравай в пьесе А. Макаенка «Таблетку под язык», профессор Щеглов в пьесе С. Михалкова «Пощечина», а также мудрый и парадоксальный старик капитан Шотовер в пьесе Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца». Это для меня было вроде хорошей кислородной отдушины. Поэтому повторяю: хорошо бы чередовать роли, играть и тех, и других.

— Приходилось ли вам замечать, чтобы кто-нибудь «узнавал» себя в ваших героях?

— Приходилось, и не раз. Когда я впервые сыграл Баяна в «Клопе» Маяковского, один мой хороший знакомый узнал свою походку. «Спасибо, удружил!» — заявил с некоторой обидой. Другие узнают свою манеру говорить, жесты и т. д. Вообще со временем актер становится более наблюдательным, собирает в своем сердце, в своей памяти, как в копилке, отдельные штрихи, детали, оттенки поведения самых различных людей. Все это ему потом обязательно пригодится, важно вжиться

в роль, сделать ее как можно более достоверной.

В связи с этим вспоминается такой курьезный случай. Было это на заре моей актерской деятельности, в Душанбе. Там мне довелось играть шпиона, такого отпетого мерзавца в спектакле «Очная ставка». Выступал я почти без грима. И вот вскоре после спектакля, взяв отпуск, поехал в Москву. А в то время поезда от Душанбе до Москвы ходили не менее пяти суток. И вот как-то сижу в вагоне-ресторане и замечаю, что двое пограничников, тоже зашедших пообедать, что-то уж очень внимательно меня разглядывают. Так повторилось на второй, третий день... Потом невзначай услышал, как один пограничник шепчет другому: «Все-таки я где-то видел эту сволочь»... Пришлось тогда «раскрыться», объяснить, что к чему. И в Москву мы приехали уже добрыми друзьями.

— Очевидно, приятно, когда после какого-либо сыгранного эпизода, удачной реплики, жеста в зрительном зале раздается смех. Стремитесь ли вы обязательно рассмешить публику?

— Нет, и еще раз нет. Мне гораздо важнее внутренняя сосредоточенность, затаенное волнение зрителя, достаточное его понимающей улыбки. Именно поэтому предпочитаю театр всем другим видам искусства. Здесь устанавливается живая, непосредственная связь актера и зрителя. Я очень люблю саму атмосферу театра, особенно последние минуты перед началом спектакля. Иной раз стою за занавесом и со сладкой болью в сердце вслушиваюсь в нарастающий гул, шуршанье программки... А распахнулся занавес — отдавай зрителью все нарабатанное тобой, всего себя без остатка. И аплодисменты — лучшая награда, самая высокая похвала.

— Смогли бы вы, Георгий Павлович, работать в другом театре?

— Скорее всего, нет. Для меня Театр сатиры давно стал и родной семьей, и замечательной творческой лабораторией. Вот уже 28 лет возглавляет коллектив народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР главный режиссер Валентин Николаевич Плучек. Режиссер — художник очень интересный, большой мастер. Именно при

его помощи, под его руководством я выступил в ролях, ставших этапными в моей жизни. А мои товарищи по труду! Это же счастье работать вместе с такими замечательными мастерами сцены, высокоодаренными артистами, как А. Папанов, А. Миронов, В. Васильева, Н. Архипова, С. Мишулин, М. Державин, Б. Рунге, Р. Качук, О. Аросева, А. Ширвиндт, Э. Высоковский и другие. У нас трудится и замечательная молодежь, очень одаренные актеры, с именами которых театр связывает свое будущее.

— В заключение, Георгий Павлович, — о каком-нибудь наиболее запомнившемся эпизоде из вашей жизни, может быть, связанном с началом творческой биографии.

— Что ж, вернусь еще раз к памяtnому для меня 1945 году. Поначалу я выступал на сцене театра имени Евг. Вахтангова. И вот однажды звонит мне Борис Михайлович Филиппов, которого, как я слышал, только что назначили директором театра оперетты. «Переходите, — говорит, — в наш театр». Выступать в оперетте? Мне, драматическому актеру? Я был просто ошеломлен. «Помилуй бог, — говорю, — да я же ни петь, ни танцевать не умею». «Ничего, — отвечает Б. М. Филиппов, — с вашими-то данными!..» «Да нет, вы просто с ума сошли!» Б. М. Филиппов даже обиделся. «Напрасно, — говорит, — вы такого мнения о нашем театре!»

В общем, толковали мы так, толковали добрых пятнадцать минут, пока я не сказал: «Нет, где угодно, но для театра оперетты я не годюсь!» «А при чем здесь театр оперетты? — вдруг удивился мой собеседник. — Я же вас в Театр сатиры приглашаю, меня сюда директором назначили».

Вот такое произошло недоразумение. Подвел меня кто-то в то время, назвав Филиппова новым директором театра оперетты. А вообще-то должен сказать, что моя жизнь в Театре сатиры сложилась и с пением, и с танцами. Вот этого как раз я и не ожидал...

— Георгий Павлович, что бы вы хотели передать читателям «Красноярского рабочего»?

— Пожелания больших успехов в труде, учебе, большого личного счастья каждому.

К. ПОПОВ.